

*Крысенко А.В.**

ПЕРСПЕКТИВЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОГРАНИЧЬЯ ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: ВЗГЛЯД ИЗ УКРАИНЫ

Основная цель представленного исследования заключается в попытке поиска новых, более эффективных инструментов анализа исторически-устойчивого социокультурного и политического пространства, которое сегодня в интеллектуальных кругах все чаще именуется Пограничьем Центрально-Восточной Европы, включающее в себя Украину, Беларусь и Молдову. Актуальность исследования данного пространства неразрывно связана с необходимостью «постсовременного прочтения» геоисторической карты Пограничья ЦВЕ с помощью мир-системной методологии. Употребление данных методологических оснований обосновывается нами исключительной необходимостью выделения и концептуализации геоисторических перспектив данного региона не только изнутри отдельной национальной системы, но и выходом в нашем анализе за пределы национальных категорий – на наднациональный, глобальный уровень рассмотрения.

На протяжении последних пятнадцати лет, основным дискуссионным компонентом внешней политики Украины является перспектива ее полноправного присутствия в «Европе» (или если угодно, возвращения в «Европу»). Вне зависимости от результатов возможной широкой общественной дискуссии, по данному вопросу, выработан особый дискурсивный фон, стимулирующий воспроизводство стандартного набора локальных, политических дискуссий, по большому счету, чисто технологической проблемы – вступления в Европейский Союз.

Вместе с этим практически незатронутым остается анализ более фундаментальных вопросов:

А) поиск/выработка/реализация эффективных моделей встраивания Украины в «европейскую мир-экономику», в краткосрочной перспективе;

В) обоснование безальтернативности стратегии на полноправное членство Украины в ЕС, в среднесрочной перспективе;

и самое основное,

С) прогноз перспектив дальнейшего нациокультурного строительства Украины, как члена ЕС, в долгосрочной перспективе.

Фактическое игнорирование исследователями данных фундаментальных вопросов очень часто приводит к «национальному замыканию» в интерпретации данной проблемы и выходу на заведомо нереализуемые сценарии ее решения, в первую очередь, к попыткам решения за счет привлечения преимущественно внутринациональных ресурсов, что ведет к их неадекватно высоким и невозполнимым затратам.

Основная проблема в данном случае, видится нами в том, что, по сути, в повестку дня национального развития Украины выносятся вопросы-фантомы: как «прорваться», «вскочить» побыстрее «зарегистрироваться» в ЕС (НАТО, ВТО), но не те вопросы, которые связаны, с усилением конкурентоспособности украинского государства,

* доцент кафедры политологии философского факультета Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина

встраиванием проекта украинской нации в «незнакомый нам мир» глобализации. В тот мир, в котором обсуждаемые еще сегодня интеграционные проекты, геокультурные и геоэкономические ландшафты (связанные с национально-индустриальным прочтением мира) завтра уже возможно исчезнут, а понесенные затраты на престижность членства в них ляжет тяжелым камнем на плечи будущих поколений наций.

Основным выводом из такой ситуации должно стать осознание того, что вхождение в интеграционные проекты не самоцель, главное это условия и статусные основания национального вхождения в эти проекты. На каких статусных основаниях войдет Украина, в любой из реализуемых сегодня интеграционных проектов, и какова конечная, полная цена этого вхождения. Будет ли Украина «жить для системы» или «жить в системе»? Станет ли Украина в очередной раз ресурсом для развития, чуждого ее национальным интересам Мегaproекта или, наоборот, получит исторический шанс на демократическое развитие?

Базовым исследовательским основанием является предположение о том, что Украина (вместе с Беларусью и Молдовой), в первую очередь, как нациокультурная система включена в более сложный региональный кластер современной мир-системы, так называемое Пограничье Центрально-Восточной Европы. В соответствии с данной логикой, Пограничье ЦВЕ является геоисторическим институциональным сообществом, представляющим собой особую, нетипичную культурную, нормативную и экономическую структуру.

Постараемся остановиться на категорической топологии понятия Пограничья. Экзистенциальное измерение данного понятия постараемся оставить в покое, хотя без описания феноменологии пограничного пространства/состояния вряд ли удастся обойтись.

В соответствии с современными концептуальными представлениями Пограничье это «пространство, прилегающее к границе, соединенное и связанное с границей, пространство, для которого именно граница является организующим принципом, сущностью и принципом притяжения» [1, с. 128]. В таком изложении, Пограничье неминуемо оказывается по обе стороны границы. Мы такое определение, как отдельную индивидуальную позицию принимаем, но с такой концептуализацией феномена не согласны. Попытаемся выразить наши сомнения в целесообразности такого определения:

- во-первых, Пограничье это, в большем количестве случаев, не пространство, прилегающее к границе, а пространство, которое в конституировании и конвенциализации этой самой границы активно участвует (Отсюда вопрос – кто от кого еще этой границей отгораживается?);

- во-вторых, Пограничье как пространство имеет свои пределы, границы, соответственно если оно «неминуемо оказывается по обе стороны границы» как тогда определять границы самого пространства Пограничья?.. С помощью каких границ? Клонировать новое «пограничье», чтобы отгородиться от «пограничья предыдущего»? Придется согласиться с ситуацией, когда границы как таковые уже использовать не получится, т.к. они будут проходить по самому топосу Пограничья;

- в третьих, лимнологический дискурс создает представление о Пограничье с помощью образной реконструкции некоего аморфного пространства, определенного системой установленных кем-то границ. Естественно в реальности ни о каком аморфном пространстве речь не идет, наоборот Пограничье выступает носителем особой нерепрезентативной физиологии, нетипичной для «вне-пограничного» пространства, что по сути и диктует необходимость создания самой теории Пограничья.

- в-четвертых, почему именно граница является организующим принципом, сущностью и основным принципом притяжения? Естественно сложно отрицать значимость границы как таковой в определении данного феномена. Но не завышаем ли мы в данном случае онтологическую роль границы, как контрольного значения Пограничья? Нам кажется, что завышаем, причем не всегда аргументировано. Например, как быть в таком случае с центрами, которые существуют внутри самого «тела Пограничья» и являются его «контрольными органами»? Один из принципов синергетики гласит: два объекта в едином общем пространстве, находясь на максимально близком расстоянии, друг от друга - могут относиться к двум разным центрам притяжения. Используя этот довольно мудрый постулат можно предположить, что Пограничье также может выступать тем самым приславленным центром притяжения. Отношение внешней границы к конституции его пространства может носить симметричный характер.

- в-пятых, если попытаться «лимнологическое определение» Пограничья использовать как рабочее, что оно нам позволяет, в конечном счете, представить в качестве Пограничья? Получится, что Пограничье Центрально-Восточной Европы, включающее в себя (государства!) Украину, Беларусь и Молдову и дублирующее по территориальному потенциалу западную Европу это некое пространство, центром которого является «великая и широкая граница» между Россией и пространством ЕС? Но раз Пограничье ЦВЕ, это некое «ничейное пространство», сердцевина «зоны российско-евросовской демаркации», тогда как быть с притяжением к сущностным принципам, которые, по сути, и должны обозначать каким-то образом саму метафизику Пограничья как целого. Получается, что вовсе нет никакого устойчивого пространства, которое воспроизводит себя как исторический социокультурный фрагмент географии Европы. Нет ни Украины, ни Беларуси, ни Молдовы как политической самости в воображении истории, а вся историческая реконструкция их национальных проектов «баловство до поры-до времени»?..

Попытаемся сложить наши критические замечания воедино и определить Пограничье, таким образом, каким мы его себе представляем «изнутри»: Пограничье Центрально-Восточной Европы это территория и/или состояние пространства, на которой (в котором) основные социальные, культурные и экономические практики воспроизводятся в логике приграничных территорий и представляют собой локальные, нетипичные для остального пространства модели развития [2, с. 271-272]. Особый вопрос в данном случае представляет собой наличие особого хабитуса субъектов Пограничья (Украины, Беларуси и Молдовы), но данный вопрос мы оставим лишь как имеющий место, но не вписывающийся в поставленную задачу.

Литература:

1. Бобков И. Этика пограничья: транскультурность как белорусский опыт // Перекрестки: журнал исследования восточноевропейского пограничья. - № 3-4. – 2005. – С. 127-136
2. Крысенко А. Теория пограничья в контексте символической географии Европы // Ойкумена. Альманах сравнительных исследований политических институтов, социально-экономических систем и цивилизаций. – Выпуск 4.- Харьков: Константа. – 2006. – С. 261-275.